

Галина Калинкина

Галина Калинкина

ВЕРХНИЕ
и
НИЖНИЕ

роман

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Художественное оформление *Елизаветы Корсаковой*

Авторы фотографий на форзацах —
Маргарита Федина, Елена Пестрякова (<http://elvik-foto.ru/>)

Калинкина, Галина Евгеньевна.

К17 **Верхние и нижние** : [роман] / Галина Калинкина. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2026. — 504, [8] с. — (Неисторический роман).

ISBN 978-5-17-184822-4

Галина Калинкина — прозаик, критик, эссеист.

Романы «Лист лавровый в пищу не употребляется» и «Голое поле» были отмечены в лонг-листах премий «Большая книга» и «Ясная Поляна».

В Москве, в Преображенской слободе, до сих пор сохранился дом фабриканта-старообрядца. История его семьи вымышлена автором романа «Верхние и нижние», но основана на реальных фактах жизни московского купеческого семейства. Домашние и их родня делятся на «верхних» и «нижних», на «барабанщиков», «кукольников», «законников» и «наследников». Все вместе они пытаются удержать свои мечты и сохранить дом в реалиях войны 1914 года и грянувшей за ней революции. Одни из домочадцев принимают перемены в стране, другие ждут «окончательного ужаса», чтобы её покинуть...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Калинкина Г.Е.
© Корсакова Е.М., художественное оформление
© ООО «Издательство АСТ»

ISBN 978-5-17-184822-4

Часть первая

ДНИ АВГУСТА 1916-ГО

*Грибница — тонкие нити, могущие
как распадаться на отдельные клетки,
так и оставаться едиными.*

1. Домопорядок

Всё всегда вовремя, если за этим кроется что-то большое. И всё не вовремя, если за событиями ничего не стоит. Что ни делай, что ни думай — всё окажется про Время. Вечно получаем хорошее, вечно думая о плохом.

В доме суконщика Грибова к воскресному обеду готовились радостно и суматошно, словно забыв, что гости съедутся на поминки. В воскресенье ожидалось «кукольники», «законники», «барабанщики» и «наследники».

Зеркал, как в похороны, в мамины дни не закрывали, но шторы в часы поминовения приспущены, в комнатах полумрак, лампы горят с утра, вечерами свечей у образов больше обычного. Накануне конным выездом Грибовы отправились на Преображенское кладбище, где привычно узким кругом, без священника, согласно своему беспоповскому толку, отслужили панихиду. Вернувшись домой, с облегчением избавились от чёрных одежд. Зеленщик, пекарь, мясник хорошо заработают нынче, посылая подводы на Лаврентьевскую, 12. Прислуга Малого двора не справлялась, в помощь прислали работников с Большого двора на Введенской площади.

Спервоначально грибовских домашних делили на верхних, нижних и гостей. Но были двое, которых не относили ни к первым, ни ко вторым, ни к третьим: сам хозяин дома — Максим Андреич Грибов, и его верный телохранитель — длинношерстный сенбернар Пенелопа, крупная, как меделянская сука.

Верхними прозываются трое: Агния-младшая, дочь Грибова, по-домашнему ласково Огонёк, её тётка по матери Макрина Фелицатовна и горничная Манечка семнадцати лет. Тётка занимает две комнаты с собственной ванной и выходом на площадку малой лестницы. Манечка имеет просторную светёлку на самой верхотуре, в антресолях под чердаком. Вход туда через крошечный, свисающий над лестничным прогалом в два этажа балкончик, искусно устроенный архитектором Львом Николаичем, другом дома. В распоряжении Агнии Максимовны, отцовой любимицы, весь второй этаж со спальней, гардеробной, кабинетом, с двумя гостевыми комнатами и гостиной-будуаром, откуда имеется выход на верхнюю террасу над палисадом.

Макрина Фелицатовна каждый вечер восходит на «слоновых ногах» по парадной лестнице вверх, а утром, кряхтя, спускается, весь день проводит внизу, из приёмной приглядывая за хозяйством на правах экономки-домоправительницы. Приёмную оставляет, лишь когда к свояку, хозяину дома, заявляются просители; важных гостей препровождают обычно в хозяйский кабинет, попроще — в приёмную. Ног Макрины Фелицатовны за длинными подолами никто никогда не видал. А она в своих комнатах задерёт юбки до колен, ступни развернёт в стороны и с содроганием ошаривает бугры: насколько за день разбухли. Грибов предлагал свояченице выписать доктора по венам или

хотя бы показаться домашнему врачу Георгию Фёдоровичу: та ни в какую. Мучается, а порядки держит: всё, что должно делаться в доме, знает по часам.

В 5.30 утра истопник Влас Асинкин согревает котлы: разжигает подвальную печь, нагревающую десять котлов водяного отопления;

в 6.00 приходящий дворник забирает просунутую в калитку газету, заносит её на парадное крыльцо и принимается мести двор;

в 6.30 Глебка-лакей выпускает через привратницкую подёнщицу и повариху: подёнщица заводит уборку, повариха ставит в кухне двухведёрный самовар, разогревает плиту;

к 7 утра у лакея готовы верхнее платье и обувь хозяина, вычищены клетки с канарейками;

ровно в 8.00 хозяин Максим Андреич оканчивает собственный туалет и выходит на прогулку с Пенелопой;

от 9.00 до 11.00 горничная Манечка дважды накрывает на стол: первыми завтракают Грибов и Маркина Фелицатовна, под конец их завтрака спускается и Огонёк;

до полудня на дворе и первом этаже Малого дома то и дело снуёт по делам своя и приходящая прислуга: доезжачий, садовник, кучер, прачка, столяр; забегает с поручениями старая прислуга с Большого двора;

в 10.00 после чтения газет и текущих бумаг хозяин идёт на псарню и в оранжерею либо едет на фабрику, в собственные лавки на Маросейке и в Лубянском пассаже, а после — в Общество суконных фабрикантов, в клуб охотников или в тир на Знаменке;

с 12.00 Манечка занимается одеждою молодой хозяйки, постирушками и глажкой; постельное бельё отдают раз в неделю прачке;

между 16.00 и 17.00 подают обед в столовый зал;

к 17.00 разносчик приносит вечернюю газету, лакей доставляет её к кабинету вернувшегося из города хозяина;

в 17.30 Огонёк кормит канареек; оставляя комнатные занятия, выбирается в сад и оранжереи или уезжает до вечера в город;

в 18.00 Грибов выходит на прогулку с Пенелопой;

к 20.00 хозяева собираются на вечерний чай на верхней или нижней террасе;

в 23.00 истопник Влас проверяет котлы, каминные печи; лакей Глеб — двери и форточки, Макрина Фелицатовна — свечи и лампы.

За час до полуночи по привычке заводится уличная колотушка ночного сторожа — старожилы их Яузского околотка, запираются ворота и дом отходит ко сну, но так кажется только Макрине Фелицатовне. Вечернее время — самое подходящее для длинных разговоров, к примеру, о случившемся за день по соседству на Введенской, что там королева Большого двора учудила на этот раз.

Ежевечерне экономка Макрина Фелицатовна утверждает меню на следующий день: в доме соблюдаются посты и мясопустные дни между ними. Порядки кухарка знает, сама будучи из староверок.

Младшенькая, Агния Максимовна, Огонёк, — утешение вдовца Грибова. Три старшие дочери одна за другой выданы замуж, пристроены, отделены и одарены по справедливости. Сын женился позапрошлым годом и проживает рядом в прежнем грибовском доме на Большом дворе возле Введенской площади, отгороженном от нового дома и Малого двора роскошным садом с оранжереями, псарней и оградой с узким про-

ходом. По праздникам грибовский дом оживает — у Максима Андреича собирается вся семья: Бушины-«кукольники», Хлебовы-«законники», Лещовы-«барбанщики» и «наследники» — сын с невесткой. От трёх старших пар Грибов имеет четверых внуков, всем четверым он восприемник. Каждого сам называл: первое имя — первое счастье. От сына прибавления пока не ждёт, там в невестке дело. Ну а от Огонька и подавно — рано ждать, семнадцатый год девице. Да и, кажется, быстро та поскакуха-огнёвка замуж не выскочит — больно разборчива.

Нижними в доме прозываются истопник Влас Асинкин — кряжистый парень, бывший работник грибовской мануфактуры, взятый в дом лет пять-семь назад после пожара на фабрике; лакей Глебка — сирота, симпатичность его мордашки чуть портят высоко посаженные уши — такая вот аномалия, да кучер Гермоген, на земле несклёпистый и потешный, в сёдлах экипажа — что твой эквит, гордо правящий лошадыми и катающий хозяина по городу в коляске с откидным верхом. Автомобили Максим Андреич не признаёт.

Гостями между собою принято кликать Бушиных, Лещовых и Хлебовых — семьи дочерей Грибова, наезжающих с мужьями и детьми в гости и попеременно заселяющихся в гостевые комнаты второго этажа. Младших Грибовых — сына Илью и супругу его Евлампью Рябинову, Лампу, из-за которой, честно говоря, Максим Андреич и оставил собственный дом на Введенской, — гостями не зовут и домашними тоже: ни те они, ни другие — ни соседи, ни визитёры, потому как — наследники, сын-то единственный.

Двоих в грибовском доме всегда легко отыскать: экономку и хозяина. Макрину Фелицатовну — по сте-

нениям печатной машинки и зычному голосу, каким отдаёт распоряжения горничной или кухарке. Вызовет кухарку в приёмную и, пролистав блокнот, диктует: «К вечернему чаю подашь шоколадный холодец. Управься с ним с утра. Шесть белков разотрёшь с полфунтом сахара, разбавишь флаконом сливок. Наколешь шоколаду, после распустишь шоколадную крошку в алюминиевой миске с подогретым молоком. Желтки со сливками добавишь к шоколаду. Массу доведёшь до кипения, перельёшь в формы. Те, помнишь, в виде индийских слонов? Порций не меньше десяти, на случай какого гостя. Остудить снеси в ледник. Да не забудь, пока остужается, наломать печенья всякого. Подавать с печеньем будем. Уразумела?» Кухарке нестерпимо хочется перебить экономку, бормочет: «Лихо моё тошно, лихо моё тошно...» Те рецепты знает назубок и без записок Фелицатны. Но золотое пенсне в прищуренном глазу домоправительницы Макрины и металлическая громадина на столе перед нею, своим перестуком выплёвывающая буквы на листы, вызывают в кухарке робость.

Максима Андреича легко сыскать по сенбернару: стареющая Пенелопа по пятам следует за хозяином, выдавая его местонахождение. За Грибовым даже на второй этаж поднимается. Если же зовёт её Огонёк, с места не сойдёт, хотя и ту любит, но хозяин у собаки один. Пенелопа — животина доброго нрава, мирного характера. Ни за птицей, ни за бельчонком, ни за котом не побежит. На других собак не бросается, голоса не подаёт, на брешущую псарню не твякнет. Услышать её можно лишь в особой ситуации, когда её саму что-то беспокоит.

Вдовец Грибов, всюду пребывая на виду — дома, в оранжереях и псарне, на фабрике, в собрании, в совете суконных фабрикантов, в клубе охотников, — оставался погружён в одиночество и вёл двойную жизнь, отлучаясь, уходя от происходящего вокруг на долгие мгновения. Отлучавшийся, выбирая вторую, невидимую жизнь не в пользу первой, видимой, имел на то причины и дальнюю цель.

Дневник отлучившегося

Сегодня медленное солнце. Поздний август. И вялость в мышцах. Утром отчётливо видел своё отражение в зеркале. Ты шла по комнате в голубом кисейном платье как ни в чём не бывало, перебирая ленты в руках. Будто важнее тех лент ничего и нет. Я обернулся. Но в комнате никого. Лишь алая лента на ковре. Горькими духами пахнет. Горькое разочарование, горше запаха духов. Время летит быстрее взгляда, быстрее поворота головы. Прежде чем мы успеем обернуться, оно отсчитает мгновение. Время оттачивает свой ход на нашем бытии.

Время молодости вмещает столько грехов, сколько после за всю жизнь не сделаешь. В святых книгах все пороки не описываются подробно до мелочей, чтобы не показывать людям безбрежность возможной их греховности.

Был я молод, глуп, беспечен. И была у меня девчачья невеличка, Агния моя... И был я счастлив. Я пишу из потеснённой темнотой комнаты тебе в безграничное пространство. И больше не задаюсь вопросом, когда увидимся. Как получилось, что в нашей спальне я один? Отлучился. Отлучён. Как позволил себе отпустить тебя?

Был целым, стал частью. Ты всюду. Теперь хожу, ношу в себе свои думы. Ни с кем не делюсь. А оказывается, всем домашним всё понятно про мои настроения. Они ловят мой взгляд, не дают впасть в уныние, и приходится бодриться.

Так ждать поминного дня и так его бояться, приближать и отдалять одновременно — ненормально. Каждый раз заново переживать твою смерть, Агница моя, смерть, которая в вину мне. Приближаться, догонять, сокращать расстояние и каждый раз снова отдаляться от тебя.

Всё всегда происходит вовремя. Видно, однажды отлучившись, вовек не догнать.

Что мне в том дне, будто в других днях тебя нет? Но чёрная дата, повторяясь из года в год, свидетельствует — опять не догнал. После панихиды на Преображенском наши возвращаются с чувством выполненного долга: навестили — и ободряются. За что мне их упрекать — токи молодости, перезвон тарелок и бокалов вытесняет шёпот молитв. Я же снова ухожу от тебя на новый виток, пытаюсь от августа до августа сойти с него и встать в несущемся космосе на ту орбиту, какая окончательно приблизит меня к тебе. Ты подарила мне горе.

У нас всё по-прежнему. В будни за стол садимся втроём: Огонёк, Макрина и я. Разве по-свойски зайдёт Спасов. Доктор Георгий Фёдорович ходит с затурканным саквояжем и всегда без жены, московской купчихи старше его на десяток лет; столько я о её невыносимо едком нраве слыхивал, но никогда не видал. Иногда заглянет отец Северин, настоятель Введенской церкви, — всё хочет меня обратить в свою веру, единственно правильную, по его поповскому мнению. Вот его попадью видел не раз, но в гости не зван и сам не напрашивался. Изредка по-приятельски заезжает архитектор Лев Николае-

вич, приглядывает за своим творением — Малым домом — да жалуется на здоровье. Не стар, а смертно устал. Строить по городу больше не хочет, одарил, говорит, Москву-прорву щедро, а она из меня жилы вытянула. Илюша если и появится, то всё наскоком, всё бегом и за стол не сядет. К Евлампии, к Лампочке своей торопится, она вручила ему агреман на право любить себя. Огонёк обижается на его вечные убегания; она с братом ближе, чем со старшими сёстрами.

И снова остаётся нас трое. И радости ни в чём больше нет.

К горю по тебе добавилось горе двух лет войны. К войне привыкли, к твоему отсутствию — нет. Наблюдают привыкание и пресыщенность войной по знакомым в Русском охотничьем клубе. Уже не говорят об «атаке мертвецов» под Осовцом или наступлении Нивеля — всё больше спорят, достаточно ли нынче дупеля, разрешат ли на него охоту. В клубе на Воздвиженке видал сватов, братьев Рябиновых, и светлейшего князя. Посетил клубную библиотеку, набрал архивных номеров «Охотничьей газеты» и журнала «Природа и охота» — зарыться, забыть, зачитать до дыр. А за стеною пусть хоть вьюга летом, хоть пекло зимой.

Всё остальное меркнет перед тем, что происходит с человеком внутри. Катастрофа отдалённо висит над всеми нами. И понимание, что может не быть ничего вообще ни для кого, стирает досаду от угроз капиталу, стирает радости дома. Даже посреди привыкания и пресыщенности наше настроение — напряжение ожидания: чем кончится.

В нынешнее воскресенье на поминный обед за столом соберётся более двадцати человек. Будет марочное вино и наше грибовское блюдо: особой проморозки ма-

ринованные осетровые хрящи, к тому же лагман из стерляди с домашней лапшой, суп из фазана, паюсная икра с зелёным лучком поверху, белый амур в мочёной рябине, студень из севрюги, брюшки судака в сливках, сазаньи котлеты под устричным соусом, телятина с белыми грибами и запечённая баранина с острым перцем, демьянки под сыром, семь сортов пирогов с разной начинкой, бисквит с абрикосом и черешневым вареньем — всё как полагается при аппетитной подаче. Подчеркнуть требуется торжественный день, семейную титульную дату. Наконец-то комнаты огласятся детскими голосами. Люблю живую суету. Четверо птенцов могут разнести дом несмотря на то, что двое из них лишь ползают, а двое едва научились ходить и болтать. И пускай. Это грибковский род, корешки грибницы нашей. Как заведёшься с ними в кошки-мышки играть или в ладушки, так не остановить — больно весело.

Двадцать человек снова соберутся, но как прежде не будет. Без тебя ничего прежнего не будет, душа моя Агница. Ты теперь живёшь отсюда так далеко, что всюду. И я намерен захламлялся от нежности, когда с полки шкафа вдруг выпорхнул твой газовый шарфик и медленно планировал к моим домашним туфлям. Ах, как быстро я его поднял и страстно прижал к губам... Готов был расплакаться, хотел слёз умиления, чтоб хоть чуть-чуть смягчил камень в груди, да за дверями послышался задущенный голосок Манечки. Когда я работаю в кабинете, дома ходят на цыпочках. Это дурно. Надо прекратить. Они нарочно не оставляют меня одного всегда, как приближается чёрная дата августа.

Какую же боль причиняют мне твои вещи: ажурные перчатки, черепаховый гребень, брошь из розовых топазов. Даже от взгляда на них больно. А расстаться с памя-

тью вещей никак не решусь. Молчание, голод, одиночество и бессонница есть самые необходимые состояния сейчас для меня. Монашеское состояние. В скит бы. В аскезу. Но дочка пока при мне.

Post scriptum. Чуть разбавляют мою тишину вести с Большого двора. Сегодня все обсуждают мочку правого уха.